

ДМИТРИЙ МИЗГУЛИН

УСЛЫШЬ ДВИЖЕНЬЕ ЗИМНИХ ВОД

* * *

Уже скорее бы зима,
А то — ни то ни се,
Развеется ночная мгла,
Снег выпадет — и все...

И все как будто в первый раз,
И все — как чистый лист.
Светлеет облаков окрас,
Чуть слышен гомон птиц,

Погаснет поздняя звезда,
Растает лунный след,
И полетит душа туда,
Куда дороги нет,

МИЗГУЛИН Дмитрий Александрович родился в 1961 году в Мурманске. Служил в Советской армии. Окончил Ленинградский финансово-экономический институт им. Вознесенского и Литературный институт им. Горького. Публикуется с 1980 г. Автор многих книг стихов — “Скорбный слух”, “Зимняя дорога”, “Две реки” — и нескольких сборников: рассказов “Три встречи”, литературных заметок “В зеркале минувшего”, стихов для детей “Звезд васильковое поле”. Лауреат Всероссийской литературной премии им. Д. Н. Мамина-Сибиряка и премии “Петрополь”. Член Союза писателей РФ. Живет в г. Ханты-Мансийске.

Где спят бескрайние поля,
Где индевет высь,
Где вместе — небо и земля
В морозной мгле слились.

* * *

*Если выпало в Империи родиться,
Лучше жить в глухой провинции у моря.*

И. Бродский

Мертвых душ становится все больше,
А живых — не встретишь ни души...
Чтобы стать счастливым, жить подольше,
Надо скрыться где-нибудь в глуши

И забыть, что кем-то был когда-то,
Повернуть судьбу и время вспять,
Перепутать времена и даты
И картошку по весне сажать.

До деревни — разве что за хлебом...
Остальное все послал Господь,
Хорошо под синим русским небом,
Даже если грянет непогодь.

И не знать ни радости, ни горя,
Слушать птиц. Общаться со зверьем.
Ну а то, что далеко до моря,
Это как-нибудь переживем.

* * *

Народ молчит. Но до поры.
А там — опять за топоры
И все подряд крушить...
Народ безмолвствует. Но он
Небесной силой наделен,
Смертельной жаждой жить.

И вот пойдет — рубить, ломать.
Крушить — и в Бога — душу — мать.
И — кто судья ему?
И — не моли и не проси
И о пощаде не проси
Напрасно. Ни к чему.

Молись, чтоб милосердный Бог
Тебя от смерти уберег
Иль после смерти — в рай.
Услышь движенье зимних вод,
Послушай, как молчит народ,
Безмолвствию внимай.

КРЕЩЕНЬЕ

Минус сорок. Мрак вселенский.
Ночь темным-темна.
Стынут в проруби крещенской
Звезды и луна.

Пред купелью, окаянный,
Встану не спеша.
Стали нынче Иорданью
Воды Иртыша.

У купели снег подтаял.
Помогай нам Бог!
Обожгла вода святая
С головы до ног.

Верю — душу уврачует,
Отведет беду.
Ну а после — ног не чуя,
Побежал по льду.

Разлилось тепло по телу
Все сильнее-сильней,
И немного потеплело
На душе моей.

Оклемался. Выпил чаю,
Задышал опять,
Вот теперь, кажись, и чаю
Божью Благодать,

И не страшен мрак вселенский,
Горе и беда...
Стынет в проруби крещенской
Поздняя звезда.

* * *

Их взгляды встретились — и вот
Ее он за руку берет
И что-то говорит...
Она смеется невпопад
И, неумело пряча взгляд,
Таинственно молчит.

Клубится по утрам туман,
И начинается роман
Легко и не спеша.
И все сошлось — ну как на грех —
И слезы, и веселый смех,
И дрогнула душа.

И дрогнув так внезапно, вдруг
Презрев сомненья и испуг,
В урочный день и час
Соединились два сердца

Отныне — словно до конца,
Как будто в первый раз.

Молчит немая тьма небес.
Господь ли свел, попутал бес —
Поди тут разбери...
Делов-то — разогрели кровь,
Ослепли, и пришла любовь
Навек — в поводыри.

У каждого — своя семья,
Работа, дети и друзья.
Да что тут говорить!
Застынут молча у окна.
И чья, скажи, это вина,
Кого теперь винить?

А за окном — зима, зима,
Снежинок белых кутерьма,
Луна — и дым печной.
Она молчит. И он молчит.
А первый снег поземкой мчит,
Кружась во мгле ночной.

* * *

Однажды в урочные сроки
Тоска растворится в крови.
Устав от житейской мороки,
Душа возжелает любви.

Но мир беспощадно железный
В преддверии Судного дня
Своей суетой бесполезной
В унынье вгоняет меня.

Как в эти минуты хочу я
Исчезнуть в сосновой глуши,
Рождественским снегом врачую
Ожоги мятежной души!

Здесь нынче такие сугробы,
Что путника скроют вполне.
Здесь так мне захочется, чтобы
Забыли бы все обо мне.

Здесь топится жаркая печка,
Здесь чайник сопит не спеша,
Здесь вновь затрепещет сердечко,
И тихо отгадет душа...

За окнами синими стынет
Насквозь промороженный лес.
Молитва из этой пустыни
Быстрее долетит до небес.

* * *

Не надо любви и участия.
Мне это уже ни к чему.
Какое же все-таки счастье —
Немного побыть одному.

Забудутся даты и лица,
И жизнь отойдет в никуда.
Неспешно молитва вершится,
Струится речная вода.

Уймется ночная тревога,
Печали растают во мгле,
И ты никому, кроме Бога,
Не нужен на этой земле.

